Walsh, M.J. (2020*) Stating the Sacred: Religion, China, and the Formation of the Nation-State*. New York: Columbia University Press. — 237 pp.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-319-323

Монография Майкла Дж. Уолша посвящена роли сакрального в современном мире, с опорой на китайский пример и опыт. Автор ставит вопрос о том, как бытие сакрального само себя воспроизводит и может ли то, что внешне кажется атеистическим, по сути нести в себе сакральный смысл. Книга — важный вклад в наше понимание того, как сакральное функционирует в современном мире и как современность, наоборот, видоизменяет сакральное. Хотя работа Уолша в строгом смысле слова не является хронологически ретроспективой, в ней освещаются ключевые исторические моменты с конца XVIII века до наших дней. Книга представляет собой полемическое и в то же время многогранное и самобытное исследование, которое может быть интересно не только религиоведам, философам, историкам и социологам, но и широкому кругу читателей.

Центральная идея монографии заключается в том, что национальные государства с их притязаниями на стабильность в рамках *modernity* всегда являются результатами мифов и освященного насилия. Автор называет это термином «сакральность насилия» (*sacredness of the violence*), развивая идею французского антрополога и философа Рене Жирара о неразрывной связи святости и насилия. По мнению Уолша, тема сакральности насилия сближает постколониальный Китай и политику апартеида в Южной Африке. Режим апартеида, будучи проявлением официальной политики расовой сегрегации, был частью мифологического нарратива, который объяснял предполагаемое расовое превосходство правящего режима (p. viii). По мысли Уолша, при всех своих положительных качествах, национальный этатизм утверждает ту или иную форму террора, национальные государства всех типов защищают свои границы с помощью насилия, которое считается сакральным. Национальные государства всегда представляют собой религиозные государства, в которых особое внимание уделяется ритуальной деятельности, а их территория понимается как священная, и она должна быть предметом поклонения. Нынешний Китай, несмотря на заявления Коммунистической партии об обратном, является в этом смысле религиозным государством, это рожденное дитя современности (*birth-*

child of modernity), где боги были устранены, но сакральное осталось (p. xii-xiv). Как полагает автор книги, «Олимпийские игры в Пекине, как микрокосм Китая и истории Китая, были сакрализацией пространства и времени, они представляли собой мифологическое произведение, рассказанное миру» (p. xii).

В ходе анализа Уолш приходит к выводу, что в национальных государствах главенствуют якобы универсальные и нормативные категории: раса, религия, гражданство, свобода, права человека и территориальная составляющая (которая понимается как целостность суверенитета и предполагает контроль над ресурсами и населением страны). Посредством священного или, точнее, посредством процесса сакрализации национальное государство образует единое целое и функционирует как слаженный организм (p. xiv).

В целом автор рассматривает наиболее существенные концепты, которые являются атрибутами национального государства: территорию, религию, гражданство, включая расовую составляющую. Способ мифологизации и сакрализации этих категорий, по мысли Уолша — основа бытия современного национального государства. В этом смысле сакральность политична — она постоянно обсуждается, пересматривается и воспроизводится посредством ритуализации (p. xvi).

Последовательно выверенной и логичной выглядит структура книги. В книге шесть глав, а также в конце словарь терминов (глоссарий). В главе 1 — «Территория» — рассматривается распределение территорий как одна из форм процесса сакрализации. Сакрализация осуществляется правительствами национальных государств для того, чтобы узаконить насильственные меры по установлению своего суверенитета и неприкосновенности территории. В подтверждение высказанной мысли автор отмечает, что в июне 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин, обсуждая проблему Тайваня на встрече с министром обороны США Джеймсом Мэттисом, заявил, что Китай не уступит ни пяди своей земли, оставленной предками (p. 2). В современном мире территориальное распределение становится одним из способов сакрализации, и тогда категория сакрального становится пространственным обозначением (p. 9). Сакральное понимание территории государства, традиционное для китайской ментальности осмысление своей страны как Поднебесной (*тянься*), отчетливо и наглядно проявилось в церемонии открытия Олимпийских игр в Пекине в 2008 году. На церемонии было развернуто грандиозное мифологическое повествование, насыщенное квазиисторическим содержанием,

космологическими и космогоническими концепциями и стратегиями, взывающими к национальной памяти китайского народа. Как полагает автор, именно неприкосновенность территории лежит в основе национального государства, поэтому закономерно, что, согласно Конституции КНР, территория государства понимается как территория сакральная, эту территорию контролирует государство, а не народ (p. 10–11). По мнению Уолша, такое понимание пространства страны (*го*) или Родины (*цзуго*) уходит корнями во времена глубокой древности, оно текстуально закреплено и всесторонне осмыслено в классических китайских трактатах, в частности в «Шу цзин» («Канон записей») (p. 16) и «Шань хай цзин» («Канон гор и морей») (p. 17).

Глава 2, которая носит название «Конституция», посвящена тому, какую роль выполняет фиксация обязанностей и свобод в главном национальном законодательном документе. Гражданам вроде бы (*ostensibly*) гарантированы свободы; конституция проецирует воображаемую реальность, провозглашает, по терминологии Бенедикта Андерсона, идеалы «воображаемого сообщества». Вместе с тем, конституция, как и все мифологические нарративы, обладает двойной функцией, она одновременно охраняет и принуждает (p. 35).

Одной из свобод, которые зафиксированы в Конституции, является свобода религии. Глава 3 посвящена архетипическим основаниям феномена религии. Религия есть одно из прав: вместе с другими правами религия лежит в основе сакрализации нации, даже когда внешне она отрицается, как в случае с атеистическим партийным руководством КНР. По справедливому замечанию Уолша, все основные категории, такие как политика, экономика, наука, государство — так или иначе связаны с религией, даже если эти категории трактуются как нерелигиозные, «рациональные» (p. 76). Что касается осмысления сущности и особенностей понимания религии в Китае в XX веке, то, по мнению автора, оно связано с именами выдающихся китайских философов, общественных деятелей, реформаторов эпохи Цин — Кан Ювэя и Лян Цичао (p. 64), которые не только продвигали конфуцианство в качестве религии, но также приложили немало усилий для выявления дихотомии суеверия (*мисинь*) и религии (*цзунцзяо*) (p. 103).

В главе 4, озаглавленной «Реинкарнация», продолжается анализ религии как права, закрепленного в Конституции КНР. Кроме того, рассматривается серия действий, которые автор называет теополитическими шагами (*theopolitical moves*), предприня-

тыми китайским правительством для лучшего контроля над населением, особенно над населением Тибета, с его буддийской традицией (p. 93–95). Уолш выявляет те механизмы, благодаря которым китайское атеистическое государство строго и умело сдерживает религию, направляя ее политический потенциал в русло территориального суверенитета и гражданства. Эти механизмы охватывают также христианские и даосские организации и касаются повсеместной регистрации духовенства, а также практик «перевоспитания» уйгурских мусульман в лагерях. Будучи многогранными категориями, политика и религия обладают возможностью непрерывной конкретизации и уточнения при их дискурсивном развертывании (с. 105).

Глава 5 — «Связь» — посвящена внешнеполитическому взаимодействию Китая и Европы начиная с XVIII века, колониальным столкновениям, описанию опыта взаимодействия британских колонизаторов и китайского населения (p. 109–112); содержит размышления об особенностях китайского империализма (p. 114). Как полагает Уолш, ряд социальных результатов, к которым эти столкновения привели, лежат в основе национального этатизма и формирования образа Другого; религия формируется в рамках процесса, который автор называет «колониальной аутентификацией» (*colonial authentication*), то есть через осмысление собственной идентичности через понимание Другого (p. 125).

Последняя глава, «Рождество», посвящена зарождению национального этатизма в современном Китае и механизму превращения субъекта в гражданина (p. 133). Автор вновь и вновь обращается к центральной категории своей работы — к категории сакрального. После деконструкции мифологических нарративов, после истолкования религии как одного из «прав человека», рассматривая религию как юридическую категорию, выявляя процесс утверждения контроля над территорией как основания для сакрализации нации, Уолш приходит к выводу, что Китай вовлечен в «религиозную игру современности» (*religion game of modernity*) (p. xxv) и тем самым невольно связывает себя с европейским нарративом. Китай предлагает миру новый проект современного национального государства, но при этом он невольно заимствует европейские идеи. Автор пытается показать и проанализировать, какое место эти идеи занимают в современном Китае. Территория, религия, гражданство и нация — все может быть использовано для создания нерушимого фундамента современного национального государства, насыщенного мифами и поддерживаемого насили-

ем. Государство утверждает и постулирует феномен сакрального, чтобы затем сакрализовать нацию и тем самым сделать государство легитимным. Устойчивость и стабильность государства во многом зависит от того, как оно защищает свою неприкосновенность (для автора такого рода защита всегда представляет собой насильственный процесс) и как поддерживает свои представления о территории, религии и гражданстве не только юридически, но также культурно и политически (p. 151–512).

Ссылаясь на работы Карла Шмитта в области политической теологии, Уолш пишет о «секуляризованном теосе» (*secularized theos*) (p. 8). Кроме того, в русле онтологии жертвоприношения, сформулированной Ж. Батаем, Уолш осмысляет понятие территории, в том числе территории Китайской империи с ее трехтысячелетней традицией жертвоприношений, как пространство, где царит принцип экстернализации насилия (p. 9). Представления Дж. Агамбена о религии и «профанации» Уолш использует для описания процедуры возвращения вещи из сферы сакрального в сферу быта (p. 10) (то, что понимает под профанацией Агамбен). Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта служит Уолшу опорой для рассуждений о конституции как о мифическом нарративе (p. 35–36). Утверждая сакральное в качестве структурообразующего понятия, Уолш приоткрывает перед читателем глубины и тайны истории, выявляет социокультурные противоречия, осмысляет категориальные основы китайской ментальности, поднимает фундаментальные вопросы о сущностной природе национального государства, исследует религиозные и политические аспекты идеологии современного Китая и попутно анализирует сущность феномена сакрального как такового.

А. Блажкина

Колдовство в России и Украине: фактор источника

Рецензия на: Kivelson, V., Worobec, C. (eds) (2020) *Witchcraft in Russia and Ukraine, 1000–1900: A Sourcebook*. Ithaca, NY: Northern Illinois University Press (an imprint of Cornell University Press). — XXV, 506 pp.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-323-331

Сборник русских и украинских источников о колдовстве, подготовленный и прокомментированный Валери Кивельсон (Ми-